

„Вел. Москва“, 1976, 8 мая
ЗАВТРА-ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

КОНЦЕРТ В РЕЙХСТАГЕ

Нина МИХАЛОВСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР

ДЕНЬ 5 мая 1945 года был ясный и солнечный, и на куполе Берлинского рейхстага развевалось и трепетало на весеннем ветру алое знамя. Впервые за всю войну я увидела как бы зримый символ нашей Победы. Кругом еще пылали пожары, ветер порой доносил залпы орудий и одиночные винтовочные выстрелы, но все мы чувствовали, знали, что с проклятым гитлеровским фашизмом покончено раз и навсегда.

На площади перед рейхстагом меня познакомили с его комендантом полковником Ф. Зинченко и капитаном С. Неустроевым, чей батальон первым ворвался в рейхстаг. Узнав, что я актриса да еще из Москвы, полковник Зинченко попросил меня выступить с концертом сейчас, здесь, в этом здании. В первую минуту я растерялась, даже испугалась: какой концерт, когда рейхстаг еще дымится! Но меня так приняли уговаривать, что отказаться было невозможно. Пишу это, не боясь упрека в нескромности, ибо точно так же уговаривали бы любого другого артиста, оказавшись он на моем месте.

Через некоторое время поднимаемся по широкой, засыпанной известкой лестнице на второй этаж рейхстага. Откуда-то снизу, из подвалов, клубится дым, остро пахнет гарью. Некоторые ступени разбиты, и офицеры

помогают мне перешагивать через них.

И вот перед нами бывший Коронационный зал. Много он видел помпезных торжеств, празднеств, шествий. Как сегодня все это далеко, нереально, словно из другого мира! От прежнего великолепия нет и следа: разбитые стены, взорванные куски бетонных перекрытий, торчащие балки. Все окна выбиты, всюду хаос и разрушение. И только в левом углу зала стоит поцарапанная пулями мраморная статуя Вильгельма Первого Завоевателя. Вряд ли думал этот надменный «завоеватель», что его скульптурное изваяние окажется когда-нибудь в поверженном Берлинском рейхстаге.

Справа от входа вижу три больших ящика из-под снарядов, поставленных один на другой. Догадываюсь, что это моя «концертная эстрада». Чьи-то бережные руки помогают мне взобраться на ящики.

Сверху мне хорошо видно, как в этот необычный концертный зал со всех сторон сходятся бойцы. Многие идут, поддерживая друг друга или опираясь на палки. Мне видны их почерневшие лица, перепачканные головы и руки. Совсем недавно здесь шли ожесточенные бои за каждый метр, за каждую ступеньку...

Стою под сотнями устремленных на меня глаз и мучительно думаю: с чего начинать, что читать в этих необыкновенных условиях?

И решаю: начинать надо с глав Л. Толсто-

го из романа «Война и мир». Глав, посвященных окончанию войны 1812 года, воспевающих необоримый дух русского войска.

В притихшем зале звучат бессмертные строки:

«Не та победа, которая определяется... пространством, на котором стояли и стоят войска, а победа нравственная, та, которая убеждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своем бессилии, была одержана русскими под Бородином...».

Читаю и думаю: будто сегодня написаны эти слова! Написаны про тех, кто сидит сейчас в бывшем Коронационном зале Берлинского рейхстага.

И едва переждав аплодисменты, я перехожу к главам пушкинской «Метели», также относящимся к эпохе 1812 года:

«Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу... Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собой, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время забывленное! Время славы и восторга!..».

Мне трудно описать, что творилось в зале. Бойцы поднялись со своих мест, аплодировали.

Потом, я помню, читала произведения А. Чехова и Л. Ленча. Кстати, военные рассказы этого писателя

любили на фронте. И здесь, в рейхстаге, очень понравились ленинские рассказы «Случай на шоссе», «Красная гвоздика» и в особенности «Как я за своего мужа второй раз замуж вышла».

После концерта капитан Неустроев познакомил меня с двумя молодыми сержантами.

— Вот они, наши герои, которые под огнем врага пронесли Знамя Победы и водрузили его на куполе рейхстага. Знакомьтесь: это — Михаил Егоров, а это — Милитон Кантарию.

Смотрю я на Егорова и Кантарию и говорю:

— Товарищи, дорогие, ну как же вы прошли туда? Ведь вас каждую минуту могли убить!

Егоров улыбается и показывает на мраморную статую Вильгельма:

— Вот этот «завоеватель» помог мне, спас, можно сказать, жизнь. Я поздно заметил фашистского автоматчика, и единственное, что успел сделать, — это отскочить, спрятаться за скульптуру. Так что очередь полоснула по Вильгельму...

Егоров смеется, как будто речь идет о чем-то очень забавном. А потом вдруг говорит:

— Если вы не боитесь высоты, пойдете,

покажем вам с Милитоном весь наш путь, по которому мы пронесли знамя.

Высоты я, конечно, побаиваюсь, но говорить об этом не стала, и мы пошли. Егоров шел впереди, протягивая мне руку, когда надо было перепрыгнуть через разбитые ступени или перешагнуть через широкие пролеты.

И вот мы у самого купола рейхстага. Внизу, сколько хватает глаз, лежит черный, разбитый, поверженный Берлин. Город еще горит, дым и пожары отражаются в темных водах реки Шпрее. А прямо перед нами, совсем близко, на фоне сильного майского неба вывется и полощется наше алое Знамя Победы!

Такие минуты незабываемы...

Когда я уезжала, полковник Зинченко вручил мне отзыв о концерте. Там было сказано:

«Вы — первая артистка, приехавшая к нам с нашей далекой Родины. Бойцы и офицеры, герои боев за рейхстаг, сердечно благодарят Вас, Нина Валериановна, за концерт, за доставленную радость».

Дорог, бесконечно дорог мне этот отзыв, написанный на листке, вырванном из блокнота...

Отрывок из книги Глазами актрисы, которая готовится к печати в издательстве «Искусство».